

Посвящается Майе

КНИГА ПЕРВАЯ

...Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться...
Александр Блок

«Мужской клуб»

Наконец-то! Двери! Здесь, у дверей своей квартиры, я вздохнул с облегчением: сейчас нырну куда-нибудь во что-нибудь теплое, во что-нибудь свое, в подушку, в одеяло или в кухню нырну, где так красиво разложены овощи... а может быть, нырну в книгу... там валяются на полу «Приключения капитана Блада» и «Драматургия Т. С. Эллиота» и какая-то лажа по специальности, словом... а не нырнуть ли в горячую ванну?... никому не открывать, на звонки не отвечать, сидеть в пузырях, в простых и понятных мыльных пузырях, и забывать всю эту внешнюю дикую белиберду.

Я переступил порог и блаженно пошевелил пальцами в сумерках. Вот выплыли из темноты мои домашние: ковбой, нарисованный на двери уборной, чучело пингвина, ключ Ватикана с портретом папы Иоанна XXIII, рулевое колесо разбитой в молодые годы автомашины, посох Геракла, лук Артемиды, ну вы знаете, все такое шутовское, благодушное (спасибо женщинам за заботу!)... милые, милые домочадцы... как вдруг в глубине квартиры громкий голос отчетливо сказал: «Родина картофеля — Южная Америка!»

...и тут я позорно растерялся, заметался под напором этого страшного голоса, который продолжал говорить что-то уже совсем непонятное. Я покрылся липким стыдным потом, пока не сообразил, что это телевизор где-то в моей квартире работает. Наверное, вчера забыл выключить,

когда блаженствовал с бутылкой перед мелькающим экраном.

Опомнившись, я бросился в спальню, прыгнул на кровать, стряхнул с ног башмаки, закутался в шерстяное одеяло, включил ночник, открыл журнал «Вокруг света» и положил его себе на лицо. Сердце еще колотилось, дергалась мышца на шее, прошедший день бушевал в закрытых глазах, словно компания пьяных подонков.

Да все-таки что же особенного произошло? Да ведь ничего же особенного, ей-ей. Давай, друг, организуй прошедший день. Возьми себя в руки. Начни с утра.

...Утром я плелся по переулку к метро, а за моей спиной ничего особенного не происходило, только что-то ужасно скрежетало, громыхало и лязгало. Понимая, что там нет ничего особенного, я все-таки не оборачивался, боялся — а вдруг что-нибудь особенное?

Навстречу мне между тем под ветром и брызгами дождя шел человек с разлохмаченной головой. Перед собой он держал половинку арбуза и ел из нее на ходу столовой ложкой.

Беспредельно пораженный этой картиной, я понял, что есть какая-то связь между этими утренними явлениями, и обернулся.

Мальчик лет десяти тащил за собой по асфальту ржавую железную койку, на которую нагружены были тапы, куски водопроводных труб, краны, мотки проволоки, бампер инвалидной коляски и что-то вроде старинного самолетного пропеллера.

Я быстро рванул в сторону и остановился на углу. Оглянулся снова. Мужчина с арбузом приближался к мальчику с железом. Вот они поравнялись и остановились. Мужчина зачерпнул ложкой поглубже и угостил мальчика. Мальчик с аппетитом съел содержимое ложки, а потом что-то сердито сказал мужчине, покрутил пальцем у виска и стал разворачивать свой транспорт под арку дома. Мужчина виновато пожал плечами, усмехнулся и пошел дальше на шатких ногах.

Я вытер пот со лба. Ничего страшного не происходит, ничего абсурдного, мир ничуть не изменился за прошедшую ночь. Мальчик тащит в родную школу свою норму металлолома, а мужик, его папаня, бедолага-алкаш, ничем не хуже меня, идет от арбузного лотка к «Мужскому клубу», пивному ларьку возле Пионерского рынка. Вот только где ложку взял — загадка. Неужто прихватил из дома? Неужто такая предусмотрительность?

Я обнаружил вокруг себя привычный хлопотливый уют московского перекрестка, где торговали пирожками, шоколадками, яблоками, сигаретами, расческами. Купил яблоко, пирожок с мясом, шоколадку, пачку «Столичных», расческу и причесался тут же перед телефонной будкой. Как мило все вокруг! Каким добродушным юмором наполнены все предметы!

Возле метро, как всегда, в наполеоновской позе стоял мой сосед Корешок, брутальный мужчина полтора метров роста, но с ярко выраженным мрачным сексапиллом. Исполинская грудь его была выпячена, волосы расчесаны и заправлены за крупные уши, голубой пижамный шелк полоскался вокруг крохотных ног.

Я поздоровался с Корешком, но он меня даже и не заметил. Мимо как раз бежали лаборантки из Института Киноплёнки, и Корешок следил за ними мрачно горящим взглядом, воображая, должно быть, себя и свой член в их веселой стайке. Словом, все было на своих местах, и я стал спокойно спускаться в наш подземный мраморный дворец.

Приятно, в самом деле, иметь у себя под боком подземный мраморный дворец. Даже нам, современникам космической эры, приятно, а как приятно, должно быть, было москвичам тридцатых годов. Такие дворцы, конечно, очень их бодрили, потому что значительно расширяли жилищные условия и приобщали к безопасному величественному патриотизму.

Светились, подмигивали разменные автоматы, но я направился к последней на нашей станции живой касирше.

У этой милой усталой женщины, просидевшей в мраморном дворце всю свою жизнь, теперь, в автоматное время, начали отдыхать руки, и даже книга появилась, в которую она иногда заглядывала своим лучистым глазом.

Мне нравилось менять серебро у нее, а не в автомате: то ахнешь на бегу насчет погоды, то пошутишь по адресу женского пола, а однажды, не сойти мне с этого места, я преподнес ей гвоздику.

Я уж открыл было рот для шутки, экие, мол, женщины чудачки, как вдруг увидел за стеклом вместо милой кассирши нечто совсем другое.

Не мигая, на меня смотрело нечто огромное, восковое или глиняное, в застывших кудряшках, с застывшими сумками жира, лежавшими на плечах, нечто столь незыблемое, что казалось, Творец создал его сразу в этом виде, обойдясь без нежного детства и трепетной юности. Орденовая планка венчала огромную, но далеко не женскую грудь новой кассирши. Знак Почета, что ли?

— А где же Нина Николаевна? — спросил я растерянно.

Ничто не дрогнуло, ни одна кудряшка, только пальцы чуть пошевелились, требуя монеты.

— А что же Нина Николаевна? — повторил я свой вопрос, просовывая в окошко пятиалтынный.

— Умерла, — не размыкая губ, ответила новичок и бросила мне два пятака.

— Два? — спросил я.

— Два.

— А полагается ведь три?

— Три.

— А вы мне даете два?

— Два.

— Понятно. Извините. Спасибо.

Я схватил монеты и, насвистывая что-то, устремился к турникетам, вроде бы ничего особенного не произошло, вроде бы все в порядке, а на самом деле все было не в порядке, все колотилось то ли от ужаса, то ли от странной неожиданности, от пугающей новизны жизни.

Отмахиваясь от диких воспоминаний, я лежал с журналом «Вокруг света» на лице, а внутри, в глубине моей квартиры, тем временем творилось что-то невероятное, шла призрачная тележизнь.

— Виктор Малаевич — ВРАЧ... — сказал там кто-то со страшным нажимом.

Пауза. Покашливание.

— ...и вместе с тем ФИЛАТЕЛИСТ. — Это было сказано значительно мягче.

Снова пауза, стук стульев... и уже совсем по-человечески:

— Пожалуйста, Виктор Малаевич.

Заливистый короткий кашлешочек Виктора Малаевича. Ясно, что еще и КУРИЛЬЩИК.

— Вот зубцовая марка черно-красного цвета без номинала... — Когда-нибудь в проклятом ящике перегорит трубка? Нужно встать, изгнать филателистов из квартиры и чаю заварить, крепчайшего чаю, а виски — ни капельки, хотя вот же на подоконнике почти полная бутылка «Белой лошади»... Машка вчера (позавчера? третьего дня?) принесла с Большой Дорогомиловской, из валютки... какая трогательная забота!

В поезде метро все свои шесть перегонов Аристарх Аполлинариевич Куницер думал о новой кассирше. Нет, не от жадности она зажала третий пятак, оно не ищет выгод, он лишь показал мне свою неумолимость, он удержало мой пятак, УДЕРЖАЛО без объяснения причин, оно не ответило на улыбку и не ответило бы и на слезы, этого их благородие не любят.

Обычно он приободрялся, подходя к своему институту, где заведовал огромной секретнейшей лабораторией, начинал думать о своей науке, о морали, о лазерных установках, о сотрудниках и сотрудницах, у кого сегодня библиотечный день, у кого месячные, о деньжатах, о халтурке и так далее, но сегодня все лезла в голову утренняя дичь: и металлолом, и арбуз с ложкой, и глиняный бульдог вмес-

то Нины Николаевны, и третий пятак, блуждающий сейчас неизвестно где по подземному царству.

Следующий сюрприз ждал Куницера в гардеробе собственного института. Новый гардеробщик прищуренным чекистским взглядом смотрел на него. Седоватый ежик на голове, сквозь который просвечивает буроватая с пятнышками кожа, пучки седых волос из ушей и над бровями, надменный мешок под подбородком и горячие черные вишенки глаз, полные неприязни, подозрительности и даже — ей-ей — презрения...

Куницер вздрогнул. Горячие эти глазки, и даже не столько глазки, сколько презрение в них, что-то ему напомнили. Что? Воспоминание уже улетело, едва коснувшись лба совиным крылышком.

Тьфу ты пропасть! Он бросил ему пальто, взял номерок, взбежал по лестнице, но не удержался и выглянул из-за колонны.

Новый гардеробщик был солиден, как генерал в отставке. Теперь он сквозь очки изучал вторую страницу «Правды». Ему бы подошла профессорская кафедра в Академии общественных наук, стол в ОВИРе или, на худой конец, бразды правления в ЖЭКе, но уж никак не гардеробная. Да, вид его был здесь странен, но никаких воспоминаний, слава богу, уже не вызывал. Да ладно, большое дело — новый гардеробщик! Отдал пальто, получил номерок, отдал номерок, взял пальто, вот и все отношения. Ну, может, гривенник бросишь, если в хорошем настроении.

...Тот солнечный денек... скрипучий снег... сосулька, как сталактит, свисавшая с карниза...

...С карниза школы, а напротив школы те четверо, КОТОРЫЕ НЕ ПЬЮТ...

А, ерунда! Ничего в нем нет особенного, и день прошедший был самым обычным. Это все фокусы похмелья — все эти спазматические воспоминания, белиберда с пятаками...

Поменьше надо поддавать! Вообще — к черту проклятое зелье! Мало ли других радостей в жизни? Бабы, например... яхты, космос, саксофон, лазеры, толстые книги, чистая бумага, Лондон, бронза, глина, гранит... бабы, например...

Вот загудело — включился далекий большой зал, КВН начался. Теперь не раньше полуночи уgomонятся. Одесский юмор. Нет сил встать и выключить. И попросить некого. Дожил — попросить некого. Надо завести дистанционное управление, чтобы выключать гадину прямо с кровати. Да, это выход — дистанционное управление!

Пока что рука естественно тянется к подоконнику.

О, муха дрозофила, мать мутаций!

Куницер даже и не сразу заметил проскользнувшую в его кабинет девушку. В пыльном сумраке, в складках тяжелого бордового, сталинских еще времен панбархата он краем глаза уловил какую-то полоску свечения, потом вполглаза какой-то контур и лишь потом уже объем, все еще не вполне телесный, полупрозрачный...

Тогда уставился и разглядел подробно ее мини-юбчонку, и слабые колени, и ручки, прижимавшие ко греховному устью какой-то стеклянный ящичек, и острые плечики, как бы пристыженные маленькими красивыми грудками, и полудетское в этих бордовых сумерках лицо, тоже как бы пристыженное и грудью, и плечиками, и сочленениями ног.

Потом он услышал ее голос, тронутый стыдом за тело, за ее небольшое тело, созданное для греха, и только для греха.

— Здравствуйте, Аристарх Аполлинариевич. Меня прислала Мартиросова из Института генетики. Вы договаривались... Я принесла нашу дрозофилу...

Он ничего не понял, потому что уже шел к ней, содрогаясь от всесокрушающего желания, а она, конечно, все поняла сразу и едва успела поставить свой стеклянный ящичек на пол. Она коротко вздохнула, когда он взял ее за плечи, и бессильно откинула голову, отдавая свое горло его жадному хулиганскому рту, а потом приняла его в свои маленькие потные ручки и даже услужливо подпрыгнула, когда он сажал ее на подоконник.

Преодолев первую судорогу проникновения, вневрившись и утвердившись, он увидел у своей ноги стеклянный ящичек, внутри которого ползали крохотные мушки, великое множество, и тогда все связалось, все прояснилось.

Не далее как вчера он разговаривал по телефону с профессором Мартиросовой, эдакой видной дамой, чемпионкой всего комплекса по теннису. Профессор просила пометить его волшебным лазером партию ее любимых мушек-дрозофил, на которых она столь успешно изучает то ли мутации, то ли еще какие-то там херации. Он для порядка вначале покобенился, поломался, вроде бы этот лазер ему самому нужен (зачем?), а потом согласился — тащите, мол, ваших цокотух.

Ну вот и хорошо, сказала старая ведьма, завтра я их вам принесу. Сами принесете? — испугался он. Почему же нет? — Голос Мартиросовой в трубке слегка «поплыл», ушел на порядок ниже, в глубины тренированного организма. Что вы, что вы, профессор, зачем вам утруждаться, я уж какого-нибудь своего халтурщика пришлю за вашей пад... за вашей падалью, вот именно. Значит, не хотите, чтобы я сама пришла? Боже упаси, профессор! Как-то неинтеллигентно вы себя ведете, старик. Профессор, это со мной бывает. Ну хорошо, я пришлю с лаборанткой. Такой был разговор.

Это, значит, лаборантка Мартиросовой... она принесла мух... вот эта, которая сейчас стонет, откидывая голову, что-то бормочет, пальцы вскидывает к лицу, вот эта, вот эта, вот эта...

Тут оба они закрутились в огненном гоголь-моголе оргазма, а очнулись уже не на подоконнике, а на диване. Таинственное перемещение.

Он кашлянул и пошел к своему столу, сел в кресло с высокой спинкой, строгий, прямой, ни дать ни взять президент колледжа. Вдруг поймал ее взгляд, едва ли не безумный, и уронил голову на руки.

Он был потрясен случившимся. Откуда вдруг пришло это неукротимое желание чужой плоти, желание ошеломить, взбесить, растрясти это маленькое существо, и вслед за этим жалость, щемящее чувство вины, нежность к этой хиленькой девочке, желание спрятать ее от всех бед?

Ну, с жалостью-то скотина справилась вполне благополучно.

Он пошевелил какие-то бумаги на столе и глуховато, солидно спросил:

— Так что же? Вы принесли что-то от Мартиросовой?

— Да, дрозофилу...

— Вот этих мух? Гадость какая, надо же!

— Нет, знаете ли, Аристарх Ап... поллиinarieвич, они даже красивы, при увеличении они даже красивы, — в глазах лаборантки появилась вспышечка надежды улыбки, — знаете, мы любим нашу дрозофилу... право, она не гадость...

— Да я шучу.

— Понимаю. — Надежда и улыбка погасли.

— Понимаете юмор?

— Считается, что понимаю.

— Вот и прекрасно. Оставляйте вашу пададь. Привет старой ведьме.

Его уже начал раздражать ее растерзанный вид, расстегнутая кофточка, задранная юбочка, глаза на мокром месте. Она, видно, поняла, засуетилась с пуговками, но все-таки спросила через силу:

— Аристарх Аполлиinarieвич, а правда, что вы?..

— Вздор! — вскричал он. — Клевета! Нелепые слухи! Хотел бы я видеть мерзавцев, что распространяют эти сплетни! Гады какие, завидуют моей зарплате! Знали бы, сволочи, как я за нее горбачусь! Никогда ничего про меня не слушайте, мало ли что наплетут. Всюду эти слухи, слухи... Извините, что-то нервы шалят. Что же вы сидите? Есть ведь, между прочим, трудовая дисциплина. Идите!

— Я не могу уйти... я же не могу без них... отдайте мне это, и я уйду... нет, я не плачу, но не могу же я без этого...

— Да без чего, черт возьми?

— Вот, вы сунули их в карман... они у вас в кармане.

— Да, вы правы! Простите великодушно. Возьмите! Отворачиваюсь. Все в порядке? Вас, должно быть, Инной зовут?

Когда Куницер повернулся, никого в кабинете уже не было. Солнечное пятнышко исчезло, и складки сталинского бархата свисали незыблемо. Он взял со стола сильную лупу и уставился на мух в стеклянном ящичке. Они действительно были красивы: тигриной расцветки тела, искрящиеся крылышки, выпуклые глазки как осколки смарагда.

Девушка исчезла! Ничего не было! Она появилась, оставила мух и растворилась в бархате, ничего не было!

Он бросился вон, пролетел по лестнице вниз и увидел ее в огромном пустом вестибюле. Инна, хотел было он уже крикнуть ей, Нина, Марина, вернись и не уходи никогда, ты мое спасение, но тут заметил рядом с ней давешнего гардеробщика.

Брюзгливо и вельможно опустив углы губ, гардеробщик что-то говорил девушке, что-то втолковывал ей, как бы поучал, как бы корил, а она зябко поеживалась, влезая в свою болонью, и вдруг рванулась, побежала прочь с закинутым лицом, простучала каблучками по паркету и скрылась теперь уже совсем.

Итальянские туфли по 60 рублей, а получает она 80. Вот загадка этих маленьких лаборанток. Получают восемь-

десять, а туфельки покупают по шестьдесят. Одна из главных московских тайн.

— Ишь ты, побежала, — игриво кашлянув, сказал Куницер новому гардеробщику.

Ему почему-то захотелось скрыть от него свой порыв, свою странную тревогу и показать как раз наоборот, что он свой, лояльный, благонамеренно придурковатый, никакой, мол, не интеллеktуал, свой, свой; и о девчонках можно потолковать, и о ледовых рыцарях, и о...

— Вы почему не на рабочем месте, молодой человек? — раздельно и с явной угрозой спросил гардеробщик.

Куницер оторопел. Никто в их шараге не смог бы ТАК спросить. Такого тона он не мог даже вообразить ни у шефа, ни у начальника Первого отдела. Тем временем маленькие горячие глазки обыскивали Куницера, быстро ощупали лицо, обыскали пиджак, брюки, туфли, в беглом досмотре пробежались по карманам и остановились там, где лежала записная книжка Куницера со всеми его адресочками, телефончиками, со стишком и с формулой, записанной в сортире, с формулой, у которой были контуры птицы, с контурами гениальной формулы.

— Спички есть? — растерянно спросил Аристарх Аполлинариевич.

Гардеробщик, довольный его унижением, взялся за газету со словами:

— Да, дисциплинка тут явно хромает.

тот яркий плотный снег
и солнце в коридорах
пустой урок пинок
эй Толька фон Штейнбок
иди тебя там ждут
под теми ЧТО НЕ ПЬЮТ
горняк моряк доярка и ваня-вертухай
и черное пятно на солнечном снегу
машина марки «ЭМ»
иди быстрее Толик
машина видишь ждет, а Сидоров, прыщавый гнилозубый
все прыгал по партам на манер Читы с диким воплем

«зачесалось муде, непременно быть беде», пока и он не затих, глядя вслед уходящему в глубину коридора фон Штейнбоку.

А. А. Куницер повел себя крайне странно. Он подошел к гардеробщику и вырвал у него из рук газету.

— Я вам не молодой человек, а заведующий лабораторией номер четыре, — донесся до него его собственный голос, звенящий, право же, неподдельным возмущением, — я доктор наук, член-корреспондент Академии, гонорис кауза Оксфордского университета, заместитель председателя месткома, кандидат в члены партии, член ученого совета, и не ваше дело судить о дисциплине в нашей шараге!

Выпалив все это, Куницер заметил, что гардеробщик стоит навывтяжку с почти закрытыми глазами и подрагивающим пятнистым зобом.

— И не смейте читать газеты в служебное время! — рявкнул обладатель стольких титулов.

— Что же мне делать, если все уже повесились? — Гардеробщик, тяжело дыша, извлек огромный носовой платок, слегка заскорузлый по краям, и прикрыл им свой рот.

— Следите за пальто! — скомандовал Куницер. — Бдительно и четко охраняйте собственность личного состава. Ясно?

— Так точно!

— Но по карманам не рыскать! Понятно?

— Так точно!

«А не спросить ли мне его фамилию? — подумал Куницер. — Ведь я же помню ТУ фамилию, да и морду помню, я его узнал... нет-нет, этого уже много для сегодняшнего дня, а до вечера еще далеко... Это не тот. Тот сейчас, должно быть, в генеральском чине, он не может быть в гардеробной. Конечно, и этот один из них, один из той сталинской мрази... их вокруг тысячи, заплечных дел мастеров... заплечного дела профессор на заслуженном отдыхе...»

Куницера вдруг замутило, то ли еще с похмелья, то ли от гадливости, и он еле успел дойти до туалета и запереться в кабинке.

Боже, боже, есть ли конец одиночеству? Ведь даже тогда, в ту весну, когда невская слякоть просачивалась сквозь стертые подошвы, в ту двадцать четвертую весну жизни, когда романтическим онанистом я бродил среди молчащих памятников «серебряного века», и читал призывы вступать в ряды доноров, и думал о донорах Будапешта, даже тогда, безденежный и брошенный в ночь наводнения на Аптекарском острове, я был не одинок и чувствовал за своей спиной мать-Европу, и она не оставляла меня, юношу-европейца, и была она, ночная, велика и молчала. Где ты?

Пока почтенного членкора выворачивало, из записной его книжки в голову просочилась заветная формула, а из головы спроецировалась на кафель и теперь дрожала на нем, массивная и крутобедрая, то ли индюк, то ли птица феникс. Куницер выскочил из туалета, таща ее за хвост. Она покряхтывала, пока он несся по коридору в свою лабораторию. Встречные шарахались.

— Осторожнее, братцы, гений летит! Наверно, новую формулу тащит в свой гадюшник!

Так он и ввалился в лабораторию. Ребята его, ошалевшие от преферанса, козла, морского боя и «Литературной газеты», расхохотались — опять, мол, чиф с новой птичкой!

Что-то в лаборатории шипело: то ли лазеры работали, то ли жарилась колбаса, сказать трудно. Не глядя на халтурщиков, Кун начал перерисовывать свою формулу на доску. Теперь он уже не стыдился за нее, потому что хвост ее уже не напоминал размочаленный веник, а торчал в северо-восточный угол доски, как фаллос на полу-взводе.

Через полчаса кто-то, добрая душа, сунул ему бутылку пива. Формула, стальная птица, усмирная, уже дро-

жала на доске, чуть-чуть позванивая перьями, слегка кося на всю банду агатовым глазом. Клопоча пивом, Кун отлакировал ей копытца, отошел в сторону и сел в углу на ящик. Халтурщики приступили к обсуждению. В лаборатории разрывался телефон, должно быть, Министерство обороны уже пронюхало об открытии. Никто, однако, трубки не снимал — сами приползут, если надо.

— Але, чиф, а можно ей под сраку дулю подвесить? — донесся до Куна голос любимого ученика, нахального Маламедова.

— Руки оторву! — рывкнул Кун и то ли заснул, то ли потерял сознание, словом, «отключился».

Очнулся я на улице. Мимо стайками бежали лаборантки, машинистки, ассистентки, невинные жертвы столицы. Пахло снегом, как на горном перевале. Реклама ВДНХ шипела над перекрестком своим раскаленным аргоном. Из Шереметьевского аэропорта под эскортом грязных самосвалов катила дипломатическая «импала». На заднем сиденье клевал носом, как всегда бухой, мой кореш, профессор-кремлинолог Патрик Тандерджет. Я подходил к метро.

В метро. Гул. Шлепанье подошв. Брехня. Смех. Лай. Смехолай. Голос книготорговца: новое о происках мирового сионизма! Естественно, первый покупатель — еврей. Советский еврей. Умный усталый хитрющий трудящийся еврей. Умный усталый хитрющий патриотически настроенный трудящийся еврей-специалист по космосу, по скрипке, по экономике, секретнейший по шахматам тренер коренного населения.

Наблюдения над евреем прекратились: закрыт двумя задницами, придавлен третьей. Осел, ежду в метро, а «запорожец» гниет под забором.

Следующее подземное впечатление — маринованная вода, точнее, газировка с облачком сиропа, похожим на оборонительные выделения каракатицы.

Гад проклятый, куда завалился? Минуту или больше я искал по карманам утренний пяточок. Неужели новый гардеробщик стянул? Вот тебе и генеральская внешность. Внешность бывает обманчива, всю жизнь слышишь эту мудрость, пора бы уже усвоить к сорока-то годам. Стянул — ясно. Завтра же поставлю вопрос о краже на ученом совете и передам дело в партком, а копию в ЦК профсоюза инвалидов. Пусть разберутся, за что им деньги ПЛОТЯТ.

А вдруг недоразумение, несправедливость? Кажется, я что-то ел сегодня в буфете. Конечно же, брал винегрет за шесть копеек и платил медью без сдачи, большой монетой и маленькой. Да вот ведь и маринованную воду я пил за пять копеек. Отчетливо помню, с каким трудом закинул пятак в трехкопеечную щель. Да, хорошо, что разобрался, у невинного человека могли быть страшные неприятности. Короче говоря, нечего дурака валять, никого он тебе не напоминает, этот гардеробщик. Жлоб как жлоб, ничего особенного. Все у тебя в порядке, и день прошел не без пользы, а кое в чем были даже удивительные достижения.

Весело и бодро насвистывая, сокрушительный удачливый мужчина подошел к длинному ряду подмигивающих меняльных аппаратов.

Вот она, цивилизация! В 1913 году в царской России не было ни одного меняльного аппарата, сейчас на одной только нашей станции 14 меняльных аппаратов. Выбери какой хочешь!

Я посмотрел внимательно на всю вереницу и вдруг обнаружил, что выбора нет. ИЗ всех этих четырнадцати автоматов ОДИН не мигал, а смотрел на меня плоским зеленым глазом, и вот именно к нему я должен был направить стопы, потому что это и был Их благородие, член подземного бюро.

Покорно, забыв уже обо всем на свете, о родине и о просторах Вселенной, о детстве и о любви, забыв и предав уже мать мою, спящую Европу, я подошел и вложил

в пасть автомату — э нет, не пятиалтынный, все-таки словчил в последний миг, такова человеческая природа, и потому мы неистребимы! — вложил ему в пасть гривенник. Оно презрительно зарычало, потом возник тихий, но нарастающий гул, и я стоял, приговоренный еще не ведая к чему, и ждал, и Отче наш иже еси на небесах да святится имя Твое... На ладонь мою из железной утробы вывалились три пятака.

— Три? — спросил я.

— Три, — ответила она.

— А полагается два? — спросил я.

— Два, — буркнул он.

— Это вы мне тот давешний возвращаете? — спросил я.

Оно расхохоталось и отшвырнуло меня сразу через турникеты на перрон и рот залепило кляпом из «Вечерки», надвинуло на уши чью-то тухлую шляпу, скособочило кожмитовые каблуки, обсосало снизу отвисшие брюки, в карманы насыпало мерзких катышков — валяй, дуй через столицу, великий гражданин.

Зазвонил телефон. Конечно, Машка, кому же еще. Ну чего ей от меня нужно? Может быть, и вправду она шпионка, как нашептывал мне еще тогда в Женеве вице-президент общества по культурным связям, сам трижды «засвеченный» и никому не нужный шпион. Тогда я разыскивал ее по всем барам, а она хитро, по-шпионски удирала то с одним парнем, то с другим. Впрочем, если она действительно шпионка, то за все годы нашей связи она не вытянула из меня ничего, кроме того, что женщина обычно вытягивает из мужчины, один лишь секрет — секрет жизни. Нет, Машка не шпионка, она только лишь слепое орудие в хитроумной, рассчитанной на долгие годы игре сил мирового имперосиомаоудизма.

— Внимание, — сказал я в трубку через одеяло.

— Привет, лапуля! — закричала мадемуазель Мариан Кулаго. — Опять ты залез под одеяло? Ты не представ-

ляешь, какие потрясающие я видела сегодня у Мемозова работы Кулича! По-моему, он скоро обойдет Фиокса! Ты с ним знаком?

— Внимание, — сказал я. — С вами говорит электронный секретарь Самсона Аполлинариевича Саблера. Прошу записать ваши данные на магнитную ленту.

— Новые фокусы! — расхохоталась Машка. — Небось уже вылакал всю мою бутылку? Ты не представляешь, маленький, какой я тебе приготовила сюрприз! Ой, не могу удержаться, дура я дура, сегодня же вечером привезу тебе его, он весь в искрах и теплый, надеюсь, прокормишь? Знаешь, это...

— Внимание, — прервал я ее. — С вами говорит электронный секретарь...

— Дважды повторенная острота становится глупостью, — с живостью необыкновенной парировала она. — Да! Сейчас ты взвоешь! Потрясающая новость! Приехал твой кореш, Патрик Тандерджет!

Я повесил трубку и выдернул шнур телефона из розетки. Несколько минут полежал, пытаюсь унять дрожь, но тщетно: Машкин звонок сделал свое дело — все уже было ясно на сегодняшнюю ночь.

Вскочив с постели, я крепко приложился к бутылке, потом, на ходу выскакивая из дневных деловых брюк, пробежал по квартире, плюнул в экран телевизора, где все еще соревновались в отредактированном остроумии какие-то там «физтехи», вытащил из груды белья вельветовые джинсы «леви'с», из груды старой обуви свою «альтушку», дунул в нее... Саксофон обиженно завыл:

— Ты меня совсем забыл, лажук!

— Кочумай! — виновато ответил я. — Сегодня погуляешь!

Инструмент плаксиво канючил:

— Думаешь, ты один такой умный, да? Тоже мне гений! Говно! Бросил товарища в вонючий угол, где кошка твоя ссыт! У меня клапана от ее мочи ржавеют. Некраси-

во это, лажук. Еще Ромен Роллан сказал — «где нет великого характера, там нет великого человека»...

— Неправильно цитируешь и вообще не наглей, — пробурчал я. — Давай-ка лучше раскочегаримся!

Он тут радостно завопил петухом, заблеял, загоготал, как молодой, в предвкушении вечерней вакханалии.

«Белая лошадь» толчками продвигалась по кровотоку, глухо стучало сердце, предметы привычно менялись, теряли свой непонятный устрашающий смысл, приближались и сладко тревожили, как в юности. Дух юности, вечер ожиданий — вот первые подарки алкоголя.

Передо мной лежала ночная Москва, безмолвная и чистая. Поблескивали под фонарями сухой наезженный асфальт и стекла телефонных будок. В тихом углу возле булочной под усталой листвой шевелился, чуть пощелкивая, флаг, выпрямлялся и трепетал ровно, укромно и сокровенно, жил своей личной ночной жизнью и думал, что за ним никто не следит. Пойманный неожиданным приступом любви, я долго смотрел на флаг. Вот ведь бедолага, днем агитирует посетителей булочной, а ночью-то, оказывается, ночью-то, оказывается, ждет кого-то терпеливо, по-рыцарски...

Шел уже одиннадцатый час, когда Самсон Аполлинариевич Саблер приблизился к «Синей птичке». У входа теснились любители джаза. Кафе было набито битком, из полуоткрытых окон неся жуткий вой, это играл на своем баритоне Сильвестр. Он заглушал все звуки и перекрывал аплодисменты. Саблер постоял и послушал голос друга и посмотрел, как фаны борются у входа с дружиной.

Наконец Сильвестр кончил свое соло. Сквозь треньканье пианино донеслись крики:

— Чего они, гады, не открывают? Там еще можно стоять!

— Ребята, поднажмем!

— Говорят, Самсик приедет!

— Вы мне говорите! Самсик сейчас на Дальнем Востоке в Находке, посылку из Японии ждет!

— Ладно свистеть-то! Вон Самсик стоит!

Все обернулись и уставились на него с восхищением. Действительно, можно было восхититься молчаливой фигурой в джинсах и кожаной куртке, с футляром под мышкой, таинственной фигурой знаменитого в этих кругах Самсика.

— Самсик приехал! Ну, будет цирк! Вот свинговый парень!

— Эй, дружинники-суки, открывайте!

— Самсик, привет! Давно из Находки?

— Только что с самолета, — сказал он. — Уши еще заложены.

Он увидел дрожащие глаза человека, которому больше всего хотелось выглядеть его близким другом, посвященным, своим «свинговым» малым, и протянул ему руку.

— Хелло, старик!

— Самсик! — задохнулся тот от счастья.

— Получил посылочку из Японии?

— Да, получил. Вот сакс получил.

— От Садао Ватанабе?

— Точно, от Садао.

— Самсик, да это вроде твой старый сакс, — ляпнул кто-то из-за спины.

— Новый, — возразил Самсик. — Новый, но совсем как старый. Специальный. Старый-то у меня в Вильнюсе Элка увела.

— Я говорил! — завопил «близкий друг». — Я же говорил, что старый у тебя в Вильнюсе Элка увела! Я говорил, а мне не верили!

— Точно, увела, — кивнул Самсик и протиснулся наконец в кафе.

Синяя Птица Метерлинка. Чеховская Чайка. Стальная Птица — Там Где Пехота Не Пройдет, Где Бронепоезд Не Промчится. Птица — Формула — Надежда — Сил Ми-

ра Во Всем Мире. Цапля, Тонконогая Мокрая и Нелепая. Помнишь? — Глухой Крик Цапли, В Котором Слышался Шелест Сырых Европейских Рощ, Тяжелый Полет Цапли В Европу Над Костелами Польши, Через Судеты, Через Баварию, Над Женевой, В Болота Прованса, Потом В Андалузию...

Сквозь дым на эстраде различался квартет — Сильвестр, Алик Фридман, Пружинкин и Рысс. Отдельно стоял еще Толстомордый Буздыкин, не играл, читал ноты. Самсик махнул ребятам, они его увидели, оборвали свою канитель и сыграли в честь вновь прибывшего первую фразу «Маршрута А».

Господи, как Самсик их всех любил. Всех, кроме идиота Буздыкина, да и к этому дураку он относился теперь в общем-то терпимо, несмотря на ту давнюю стычку из-за Чехословакии.

Тогда, в августе Шестьдесят Проклятого, они все были в Крыму и вдруг узнали, открыли было рты, чтобы устроить дикий хай, и вдруг заткнулись. Они не понимали, что происходит, почему они не вопят, но рты открывали только для водки или чтобы взять в зубы мундштуки своих инструментов. Они только пили и играли, пили и играли, пили и играли и чуть не сдохли от своей страшной музыки, от водки и молчания, как вдруг прилетел из Столицы Мира Буздыкин и начал говорить гадости о чехах. Дескать, ишь чего захотели, нам нельзя, а им, видите ли, можно! У Буздыкина были личные счета к чехам: годом раньше ему здорово накостыляли в Праге за педерастические склонности. Самсик, однако, этого не учел и устроил истерику с мордобоем.

Потом пошел дождь,

и вот тогда в дождь после драки мы шли пьяной разодранной дикой кодлой по территории кемпинга, а дождь хлестал, лупил без всякой пощады, бесконечно и жестоко

падал на Коктебель, то ли как возмездие, то ли как отпущение грехов. Иногда я оглядывался выпученными глазами и видел сквозь струи нашу компанию, похожую на отряд средневековых мародеров. Кто там был, я и не знал точно: кажется, Левка Малахитов, кажется, Юзек Ципкин, врач из Заполярья, и маленькая чувишка в шортиках, то ли Нина, то ли Инна, то ли Марина, то ли гидролог, то ли биолог, которую мы подклеили возле распивочной цистерны и таскали за собой весь день и затаскали вконец, пока она не пропала, и академик Фокусов с двумя одесскими блядьми, и Шурик, фотограф-экзистенциалист из Львова, и кто-то еще из тех, кого, наверное, там и не было, — может быть, скульптор Радик Хвасищев, может быть, хирург Генка Малькольмов, может быть, писатель Пантелей Пантелей, может быть, саксофонист Самсик Саблер, может быть, секретный ученый Арик Куницер, а может быть, даже были и те, кого действительно не было: та женщина, рыжая, золотистая, с яркой мгновенной улыбкой-вспышкой, женщина, которую я не знал всю жизнь, а только лишь ждал всю жизнь и понимал, что ее зовут Алисой, и юноша из воспоминаний, Толик фон Штейнбок, кажется, и он был там.

Мы шли по щиколотку в вонючей грязи поселка Планерское, а мимо нас вздувшиеся ручьи волокли к морю курортные миазмы, и кувыркались в вонючих стремнинах сорванные ураганом будки сортиров и комья кала и жидкая дрисня и неслись к нашему еще вчера хрустальному морю; на второй день после вторжения!

В кемпинге вся кодла уселась в лужу, где был мусор и репейник, и стала пить из ведра алжирское вино, которое Хуари Бумедьен отправляет нам в тех же трюмных танках, из которых высасывает горючее для МИГов, а полурасколотый транзистор все кричал слабым голосом Ганзелки:

— Не молчите! Друзья! Лева, Гена, Коля, не смейте молчать!

А мы теперь уже и не молчали, мы были дурными голосами любимую песню нашего детства «Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди мужеством полны, в строю стоят советские танкисты, своей великой родины сыны».

Как вдруг мы заметили, что на нас смотрит множество глаз.

Это была длинная молчаливая очередь в душ. Она теснилась под навесом в ожидании доступа к двум ржавым кемпинговским соскам, а вокруг уже вторые сутки лил этот беспощадный дождь.

Тогда кто-то из нас, может быть, Левка, может быть, я, может быть, Юзик или кто-то еще, вскочил, волосатый, в рваной, прилипшей к телу рубашке, босой и опухший, и завопил:

— Что же вы, подлецы, стоите в очереди за водой, когда льет такой дождь? Что же вы, гады, хотите сказать, что не вы сумасшедшие, а мы? Значит, если вас больше, то вы нормальные, а если нас меньше, то мы психи? Эй, вы, Единодушное Одобрение, трусы проклятые, смотрите, какой бесплатный внеочередной вселенский душ! Выходите, это приказ вышестоящих органов, проголосуйте единогласно и выходите, может, отмоетесь!

Девушки наши решили, что агитатора сейчас убьют, но Единодушное Одобрение молчало, глядя на нас непонимающими, слегка угрюмыми, но в общем-то спокойными глазами. Вокруг на огромных просторах Оно ехало мимо нас в автобусах и самолетах, развозило из Москвы в сетках апельсины и колбасу, сражалось на спортивных площадках за преимущества социализма, огромными хорами исполняло оратории, и звенело медью, и ковало, ковало, ковало «чего-то железного», и ехало по Средней Европе, выставив оружие, а Дунай, змеясь, убежал у него из-под гусениц.

Здесь же перед нами Оно уплотнилось на клочке сухого асфальта под полоской жести в очереди за порцией хлорированной воды, а вокруг лупил без передышки все-

ленский дождь, и глухое черное небо, съевшее вершину Карадага, и половину Святой горы, и всю Сюрюккая с ее пушкинским профилем, обещало еще неделю потопа, и, значит, так было надо, и все мы, грязные свиньи, были виноваты в случившемся.

Теперь Самсик почти уже забыл драку с Буздыкиным. Давно это все было, и все уже затянулось клейкой тиной. Все уже забывается, что связано с Чехословакией, как забылись в свое время Берлин и Познань, Варшава и Будапешт и Новочеркасск.

Публика устроила Самсику маленькую овацию. Таинственный Самсик прямо с самолета из Уэллена через остров Врангеля, куда ему на вездеходе компании «Ойл Аляска» лично Стен Гетс прислал свой сакс, в подарок или на время, точно не известно, во всяком случае, погудит сегодня Самс, будьте спокойны, смотрите, к буфету уже пробирается заправить баки. Ну, будет сегодня вечерок, надолго запомнится!

В «Синьке» подают только сухое вино, но для Самсика у буфетчицы Риммы нашлась бутылка «Плиски». К стойке подошел Сильвестр, и перед ним Римма поставила стакан сока.

— Уже не можешь без этого? — Сильвестр укоризненно показал на коньяк.

— Наоборот, — ответил Самсик, — с этим уже могу.

Сильвестр покачал головой. В его лице вся мировая джазовая общественность укоряла беспутного Саблера. Сильвестр регулярно переписывался с Телониусом Монком, Уиллисом Кановером, Леонардом Фезером и другими светилами джаза. Он сообщал им наши новости, а в обмен получал пластинки, ноты, журнал «Даунбит» и прочее. Соответствующие органы, конечно, просвечивали всю эту почту своими соответствующими органами, но не препятствовали, почта поступала исправно, ни один дилижанс еще не застрял на европейских опасных дорогах.

Сильвестр выглядит как западный интелlectual. Он всегда следит за модой и всегда ей следует. Сейчас у него длинная шевелюра и свисающие на подбородок усы, но Самсик прекрасно помнит его с коротким ежиком на голове в стиле пятидесятых. Когда он дует в свою кривую трубу, кажется, что это сам сатана, но уж никак не вегетарьянец Сильвестр. Все соблазны устранил из своей жизни Сильвестр: на бифштексы не смотрит, коньяк не нюхает, чувихам только комплименты говорит. Всю жизнь ему закрыл джаз.

— Но все-таки ты пришел, лапуля, — любовно сказал Сильвестр Самсону. — Пришел, и с инструментом. Мы уже тебя и не ждали.

— День был очень дурацкий, вот и пришел, — сказал Самсик. — Одолели дурацкие воспоминания.

Слева кто-то толкнул Самсика локтем. Он повернулся — Жека Буздыкин, чушка поросычья.

— Самсик, плесни мне малость, — жалобным голосом попросил тот.

— Это так нынче подлизываются? — спросил Самсик. — Клянчишь у меня мой кровный глоточек и думаешь, что после этого все забудется?

Говоря так, он поднял бутылку и сделал вид, что раздумывает — плеснуть или нет. Буздыкин смотрел на бутылку и униженно канючил:

— Кончай, Самс, ты лабух, и я лабух, какие счета между нами...

— Если тебе рыло начистили в Праге, так ведь за дело, а?

— За дело, за дело. — Буздыкин pokrылся потом.

Самсик наклонил бутылку к его стакану, но не наливал.

— А ну-ка, чушка поросычья, расскажи мне какой-нибудь анекдот про танк.

— Про танк? — застонал Буздыкин.

— Расскажешь про танк, налью полный стакан.

— Не надо ему, — сказала Римма, — выпьет и начнет к мальчишкам приставать. Срок ведь схлопочешь, Жека. Здесь тебе не Прага.

Буздыкин закрыл глаза и быстро заговорил:

— Идет по лесу Красная Шапочка, а навстречу ей Танк. Здравствуй, Красная Шапочка, говорит Танк. Здравствуй, отвечает Крошка, а ты кто? Я Серый Волк, придуривается Танк. Если ты волк, засмеялась Красная Шапочка, то почему у тебя тогда солоп на лбу?

Он мелко-мелко затрясся с закрытыми глазами, а когда открыл их, перед ним уже был стакан с коричневой болгарской влагой.

— Никогда этого тебе не забуду, Самсик, — вдруг очень твердо сказал Буздыкин и унес полный стакан куда-то к туалету.

— За него можешь не волноваться, Римуля, — сказал Самсик буфетчице, — его не заберут.

— Серьезно? — ужаснулась та. — Он, значит, тоже из этих? Серьезно, Сильвестр?

Сильвестр скромно кивнул.

Самсик забрал бутылку и пошел с ней на эстраду. В зале послышался свист. Пока они сидели возле стойки, мальчики и девочки, посетители «Синьки», успели уже достаточно поиграть в Гринич-Вилледж и теперь жаждали новой встряски. Самсон и Сильвестр вместе — ого! — из этого что-нибудь получится...

Самсик, старый Самс, посмотрел в зал на публику. Девчонки все были в джинсах и маечках, одна халда таскала по полу шлейф старинного платья и потому не приживалась, чтобы всех поразить, еще одна, узкоглазая, курносая, была вся в золоте, серьги, браслеты, монисто — откуда такая богатая взялась?

Из ребят иные сосали трубочки и хохлились, сумрачные интеллектуалы, на других сверкали пуговицы блейзеров, и вели они себя соответственно — плейбойски, были и «дети цветов», но, конечно, в более умеренном виде, чем их лондонские братья, в более терпимом для москов-

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

«Мужской клуб»	7
Потом пошел дождь	26
ABCDE	53
Хирург-педиатр-ревматолог-кардиолог-фтизиатр Геннадий Аполлинариевич Малькольмов рассказывает о своей молодости неизвестно кому неизвестно когда по телефону в неопределенном направлении.	68
Донесение внештатного сотрудника Городского управления культуры «Силиката» из валютного бара гостиницы «Националь» (Донесение перемежается внутренним монологом «Силиката»)	94
Сон в летнюю ночь после четырех бутылок «Экстры», привезенных старшиной Иваном Мигаевым с Казанского вокзала в студию скульптора Радия Аполлинариевича Хвастищева	108
Сон о недостатках	123
Пантелей Аполлинариевич Пантелей рассказывает в третьем лице о том, как однажды кончилась его молодость	130
«Мужской клуб»	142
От Веселого-Куплета к Акробатке	157
Встречи ГЖ с Пантелеем Аполлинариевичем Пантелеем ..	181
Бессонница, Гомер, тугие паруса	188
Районный финал детской игры «Зарница»	200
Друзья встретились вновь	229
Первые минуты рабства	235

«Южный салют»	242
Сон без сознания	245

КНИГА ВТОРАЯ

Пятеро в одиночке	249
Навигация в бухте Нагаево	250
В один из дней 197... года	281
Однажды в Риме	295
Третья модель	301
Юноша фон Штейнбок	317
В переулке синем и полуслепом от солнца	321
Куда же мы плывем?	323
И-ду-у!	325
Четыре медные пуговицы	327
Два фон Штейнбока на веранде	333
Какие у нас перспективы	346
Содержание пьесы «Три сестры» таково	352
В туалете было чисто	357
Все забыто	362
О если бы можно было протянуть руку любимой	364
Что творилось с Пантелеем	367
Оно было отвлечено явлением европейки	368
Терпеть все это не было уже сил	370
Геннадий Аполлинариевич Малькольмов	370
Эволюция типа открытого Зошенко	377
Чепцов стариком себя вовсе не считал	382
Он рассказал ей о секрете	391
Аварийная ситуация	400
Окно разрисовано морозом	401
Третьего в капеллу	403
В желтом сумраке тупика	408
«Путешествие будет опасным»	409
Люблю мчаться по ночной Москве	435

Что, Саня, бьют?	438
Скатились к мракобесию, Штейнбок?	438
Гурченко, лежащий на полу	439
Прибыл Кун	440
Теперь уже три пары глаз смотрели на Толю фон Штейнбока	442
Здесь было братство	444
Множество болезней	458
После освобождения мамы	471
Не так уж и далеко отсюда	473
Зильберанский явился в госпиталь Святого Николая	482
Три пальца в Кларку	485
Ну давайте же в самом деле чай пить	494
Мне тоже ни рубля не накопили строчки	500
Самсик вначале не понял	521
Куча разноцветных котят на зеленой мокрой траве	526

КНИГА ТРЕТЬЯ

ППП, или Последние приключения Пострадавшего	528
Плач леди Брудпейстер, урожденной Мариан Кулага	539
Как он переплывал Берингов пролив очень теплым летом 1951 года	548
Песня протеста советской молодежи, исполненная машинисточкой-пантомимисточкой Ниночкой Лыгер-Чепцовой	558

Аксёнов В.

А 42 Ожог : роман / Василий Аксёнов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 608 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-13173-6

В романе Василия Аксёнова, написанном в 1969–1975 годах, прихотливо тасуются различные места и времена действия (Магадан сороковых–пятидесятых, Москва, Ленинград и Крым шестидесятых–семидесятых), фантастическое агрессивно соперничает с автобиографическим, глубоко личные эмоции рвутся из силков перепутанных культурных кодов, колоритные, подчас гротескные персонажи то и дело прорывают ткань своих индивидуальных сюжетов, и на всем этом виднеется след саднящего, незаживающего ожога от соприкосновения с советской жизнью. Пять главных героев — писатель, ученый, врач, музыкант и скульптор (а по сути — один и тот же герой в разных ипостасях, своего рода собирательный портрет поколения шестидесятников) — проходят разные, но одинаково печальные жизненные дороги, отмеченные коллективной травмой неизбытого лагерного прошлого, феерическим пьяным разгулом, бунтом против системы, внутренней эмиграцией, конформизмом и предательством себя и других...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ АКСЁНОВ

ОЖОГ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.09.2018. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 26,79. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-VAK-21322-02-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/